

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

## ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.371-398

Веб-публикация: [Vive Liberta](#) и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

### СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

*В.А. Дунаевский, Б.Ф. Поршнева.* Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)

*Н.Е. Застенкер.* Ленин о домарксовом утопическом социализме

*Морис Домманже.* Истоки социальных идей Жана Мелье (к 300-летию со дня рождения)

*М.А. Барз.* Генезис идеологии истинных левеллеров

*Жан Дотри.* Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

*В.С. Алексеев-Попов.* Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

*Ю.П. Мадор.* Эстетические взгляды французских утопических социалистов первой половины XIX в. 223

*К.Э. Кирова.* Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)

*А.Д. Колпаков.* Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов

*Карл Оберман.* К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.

*А.И. Володин.* О начале социалистической мысли в России

*Е.Л. Рудницкая.* Социалистические идеалы Н.П. Огарева

*В.Р. Лейкина-Свирская.* Утопический социализм, петрашевцев

*В.Э. Кунина.* История создания нового проекта Общего устава и Организационного регламента I Интернационала (1872)

*Ю.Я. Мошковская.* Новейшие труды о немецком утопическом социализме XVIII в.

*В.М. Далин.* К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме  
Письма В.Г. Короленко, Н.Ф. Анненского и В.А. Мякотина В.П. Волгину

## Евгения Львовна РУДНИЦКАЯ

### СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ Н.П. ОГАРЕВА

С общественно политической деятельностью Огарева и Герцена связан новый этап в развитии русского революционного движения и общественной мысли — привнесение в них социалистического идеала. Им же принадлежит создание и разработка специфической формы утопического социализма, так называемого «русского» или «крестьянского социализма».

При несомненном единомыслии в трактовке основных положений «русского социализма» Герценом и Огаревым, социалистические взгляды Огарева, намечаемый путь их практической реализации, их развитие, решение им ряда принципиальных теоретических вопросов социалистической революции, представляют совершенно самостоятельный и оригинальный факт в истории русского социалистического движения. Отбрасывать этот факт, проходить мимо него как явления, заведомо известного и очевидного, значило бы обеднять сложный, противоречивый и мучительный процесс поисков передовой русской интеллигенцией подлинно научной социальной теории.

Идее социализма, ее теоретическому обоснованию, ее разработке и, наконец, ее реализации была подчинена вся деятельность Огарева — теоретика и практика русской революции.

Мы ставим своей целью рассмотреть историю становления и развития социалистических взглядов Огарева в их органической связи с его общими воззрениями на пути коренного переустройства русского социально-политического строя.

\* \* \*

Имя Николая Платоновича Огарева неотделимо от истории русского революционного движения. Его по праву можно назвать одним из организаторов первого в России революционно-демократического натиска периода революционной ситуации 1859—1861 гг. Но к революционному демократизму

Именно Огарев первый обратил внимание Герцена на этого великого утописта, рекомендуя ему в июле 1833 г., после окончания университета, программу научных занятий. Разделяя выдвинутый Герценом критерий истинности философской системы в зависимости от тех социальных выводов, к которым она приводит, Огарев противопоставил всем системам идеалистической немецкой философии систему Сен-Симона, как единственную «не бездушную философию последних времен, где высоко поняты требования века...»<sup>6</sup> Идея исторического прогресса, пронизывавшая систему Сен-Симона, историко-философское обоснование им необходимости социалистического переустройства общества глубоко импонировали Огареву, стремившемуся к философскому осмыслению истории. «...Из (об)щих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации»<sup>7</sup>, — писал он Герцену 29 июня 1833 г.

Над разработкой собственной системы философии истории Огарев продолжал упорно трудиться и в ссылке. Оттенок мистицизма, который характеризует его настроения этих лет, сказан особенно на его философских размышлениях. Но необходимо указать, что именно в эти годы Огарев формулирует два основных положения, которые легли в основу дальнейшего развития его социалистических идеалов. Первое — понимание им задачи общественной организации. С наибольшей полнотой он изложил ее в письме к Кетчеру из ссылки в 1837 г. Задача состоит, по мысли Огарева, в том, чтобы «сохранить при высочайшем развитии общественности полную свободу индивидуальную. Да, это задача для жизни рода человеческого. Чем ближе к разрешению, тем ближе к совершенству; эту задачу пусть разрешает человечество как скоро сбросит ветхую епанчу свою...»<sup>8</sup> И второе — вопрос о своеобразии исторического пути России в связи с перспективой ее социалистического будущего. Находясь в ссылке, Огарев продолжал работать над кругом вопросов, поднятых в их студенческом кружке, в частности, над вопросом об исторических судьбах русского дворянства, возникшем в связи с уяснением опыта декабристов. Сопоставление европейского и русского исторического процесса приводит Огарева к выводу о коренных различиях движущих сил будущей революции в России и на Западе.

Отсутствие в истории России факта завоевания, создавшего в западноевропейских странах независимую феодальную аристократию, исключает возможность видеть в русском дворянстве силу, оппозиционную самодержавию. Эти теоретические выкладки нашли прочное подтверждение в наблюдениях

Огарева над русским дворянством. Что же касается среднего сословия, то оно «может у нас (со временем) образоваться из почетных граждан. Но нужен ли, но полезен, но справедлив *liens états?*» — задается вопросом Огарев и решительно отвечает на него, — «нет»<sup>9</sup>. Он считает вообще ошибочным представление, «что России нужно иметь развитие такое, какое было во Франции, — для этого ей надобно начать жить сызнова, но только иначе, нежели она жила»<sup>10</sup>.

Единственную силу, противостоящую существующему в России социальному и политическому строю, Огарев видит в народе, который поведут за собой носители передовых социальных идей. Непосредственно след за приведенным выше рассуждением о третьем сословии Огарев, отрицая историческую пользу буржуазии для России, буржуазному развитию противопоставляет коммунальное устройство — образование общин в массе народа, общин, связанных между собой одной общиной, которая была бы их *sensorium commune*<sup>11</sup>. Община здесь пока только перевод на русский французского термина. К идее о социалистических предпосылках, заложенных в реально существующей русской поземельной общине, и к открывающейся в связи с этим перспективе особого пути России к социализму, Огарев придет позже.

В конце 30-х годов в подходе Огарева к проблеме социализма все большее звучание получали морально-этические мотивы. Подчеркивая конечную цель социализма — счастье человека, гармоническое сочетание интересов личного и общественного во имя человека, Огарев отрывал решение этой исторической задачи от проблемы коренного экономического переустройства общества, которое создает условия для ее решения. Ярко выраженный идеалистический подход с элементами христианского социализма особенно четко Огарев сформулировал в письме к Н. Кетчеру от 7—8 января 1839 г., как бы подводившему итог упорной работы в области социальных проблем. «В отношении общественном многие мнения изменились, многие предметы представляются иначе, закрылись пути, по которым думалось идти прежде, открылись новые. Заключение одно: высочайший предмет в обществе это — индивидуал, цель — совершенствование индивидуалов, христианство, а общество уладится по потребностям; ему не предпишешь именно такую-то форму, вопреки Фурье и Комп[ании]. Нельзя взять за основание индустриализм, — это все-таки низшая часть человека. Он сам собой пойдет вперед, с образованием; главная вещь — голова и сердце, мысль и чувство. Тело — форма, посредством которой выражается идея. Индустрия в обществе

<sup>6</sup> Н. П. Огарев Указ соч., т. II, стр. 267.

<sup>7</sup> Там же, стр. 266.

<sup>8</sup> Там же, стр. 288.

<sup>9</sup> Н. П. Огарев Указ соч., т. II, стр. 271.

<sup>10</sup> Там же, стр. 285.

<sup>11</sup> Там же, стр. 271.

то, что тело для души. А все-таки главное — душа»<sup>12</sup>. В этом высказывании нашло выражение идеалистическое понимание Огаревым соотношения содержания и формы, развитое им в его философской системе: «...я не полагаю разумение результатом организма, а организм результатом идеи, к которой относится как форма»<sup>13</sup>.

С этих позиций Огарев критикует конструктивную сторону социалистических систем, полагая, что нельзя предписать заранее определенную форму развивающейся идеи. Несмотря на идеализм исходных положений, критика Огаревым субъективизма в решении конструктивных вопросов социализма была положительным моментом, что станет очевидным, когда мы будем рассматривать его социалистические воззрения 40-х годов.

Для понимания характера социалистических воззрений Огарева в 30-х годах необходимо прежде всего иметь в виду, что сосредоточенность на личности не была ему одному присущей особенностью. Акцентирование именно этой стороны проблемы социализма отражало специфику тех конкретно-исторических условий, в которых происходило зарождение социалистической мысли в России. В стране, где личность человека была исключительно объектом принуждения, где задачи антиклерикальной борьбы были первоочередными, естественно, наиболее актуальным при решении социальной проблемы был вопрос о правах человека, о его раскрепощении. Освобождение личности, ее гармоническое развитие в условиях социалистического общества, — вот прежде всего угол зрения, характеризующий подход к проблеме социализма в кружке Герцена и определивший в значительной степени направленность литературно-критической деятельности Белинского.

\* \* \*

Удивительно реалистические наблюдения и четкие оценки, глубокие обобщения социально-политических явлений русской жизни, и наряду с этим отвлеченное теоретизирование, идеализм, доведенный до мистицизма, причудливо сочетались во взглядах Огарева в годы ссылки (1835—1839 гг.). Но насколько устойчивыми для дальнейшего идейного развития Огарева были выводы, основанные на изучении подлинной жизни, настолько же временной и преходящей была религиозно-мистическая направленность его социальных исканий. Буквально в течение года после возвращения из ссылки Огарев изживает в себе болезненные религиозные настроения. Начинается процесс

пересмотра философских взглядов в неотрывной связи со взглядами на социализм.

Уже в письме к Герцену от февраля-марта 1840 г. Огарев отчетливо формулирует содержание переживаемого им идейного перелома. Он прежде всего выражался в стремлении к объективно-научному постижению мира, к отказу от попыток создания собственной философской системы, основанной на логическом развитии какой-либо априорной идеи, к отказу от субъективных решений социального вопроса. «Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами, — пишет он Герцену, — это социализм. Сперва мы наше я прилепили к нему, потом его прилепили к нашему я, и главной целью сделалось: мы создадим социализм»<sup>14</sup>. Отсюда возникло у них обоих, утверждает Огарев, желание «набросать миру новую религиозную форму» как решение социального вопроса. Считая такой подход уродливым, Огарев, оставаясь на позициях идеализма, противопоставляет субъективным поползновениям понимание социализма как разумного самосознания человеческого духа, как дальнейшее рациональное развитие идеи христианства.

Но это были уже отголоски изживавшихся христианско-мистических увлечений. Начатая Огаревым после возвращения из ссылки систематическая работа по критическому преодолению философии Гегеля, тех реакционных политических выводов, которые обосновывала его система, привела его уже в 1841 г. на позиции младогегельянства. «...Не все, что действительно, разумное, но разумное должно быть действительно. Лучшая мысль современной германской философии — die Philosophie der Tat. Я нашел реакцию против Гегеля»<sup>15</sup>, — писал Огарев из Германии Герцену.

Последовательно распространяя это положение на социальную проблему, Огарев формулирует два основных положения: 1. Идея социализма есть то «разумное», которое должно стать действительностью; 2. Чтобы социализм стал действительностью, все должны работать над решением этой задачи. «Каждый внесет свое, — пишет он. Мысль ли Фурье или другое что осуществится — не знаю; но знаю то, что современный человек необходимо привязан к социальному вопросу. Разумное, свободное общество — вот задача современная, которая разрешится в будущем». Исходя из такого понимания социализма, Огарев определяет его уже не просто как самосознание человеческого духа, а как «разумную волю человека»<sup>16</sup>.

Активное, действенное начало, которому Огарев нашел философское обоснование, становится неизменным атрибутом его

<sup>12</sup> Рукописный отдел библиотеки им. Ленина, 5185, л. 1.  
<sup>13</sup> Там же, 5185, п. 10, л. 2.

<sup>14</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. II, стр. 306.

<sup>15</sup> Там же, стр. 316.

<sup>16</sup> Там же, стр. 321.

социалистических воззрений. Однако к пониманию характера этого действия, путей реализации социалистической идеи он пришел не просто и не сразу. Как поиски практических путей к социализму, так и трактовка его сущности были неразрывно связаны с полным переходом Огарева к середине 40-х годов на позиции философского материализма.

Огарев пришел к материалистическому мировоззрению путем углубленных занятий естественными науками, путем осмысления естественно-научных данных с точки зрения философской. А материалистическое решение общеполитических проблем подводит Огарева к идее материалистического истолкования общественных процессов. Но тут Огарев оказался в тупике. Не без влияния Фейербаха он делает попытку подойти к разрешению социальной проблемы с позиций антропологии. В ряде писем тех лет Огарев высказывается о необходимости естественно-научного познания человека, утверждая, что антропология — ключ ко всему социальному и на ее основании «может развиваться Fraternité»<sup>17</sup>. Однако дальнейшего развития это вульгарно-материалистическое решение социального вопроса у Огарева не получило<sup>18</sup>.

Между тем стремление поставить социализм на практическую почву, перейти, говоря его словами, от абстрактности к конкретности, от фантастичности к действительности подвело Огарева к признанию практики — движущей силой истории. Это было верное направление, но оно не привело Огарева к материалистическому пониманию движущих сил исторического процесса. Ибо под практикой он разумел не общественную практику, не производственную деятельность народных масс, протекающую в определенной системе общественных отношений, а чисто механическую сумму практических действий отдельных индивидуумов. Так понятую практику он провозглашает своим жизненным принципом, что приводит его к выводу о необходимости самому, теперь же, практически начать внедрять социализм в общественную жизнь, организовывать социалистические ячейки — прообразы будущей организации человечества.

К этому надо прибавить весьма существенный для Огарева морально-этический фактор. Не учитывая его, невозможно до конца понять логику идейного развития Огарева.

Эту своеобразную особенность передовой русской интелли-

<sup>17</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. II, стр. 362.

<sup>18</sup> К вопросу естественно-научного, антропологического обоснования социализма Огарев вернулся еще раз в конце жизни, и дал ему отрицательное решение. В очерке «С утра до ночи» он писал: «Стадная жизнь животных и человеческая общественность остаются простыми наблюдениями неотразимого факта, органически ничем не объясненного... Встреча физиологии и социологии, где бы разрешались их смежные задачи, представляется весьма далекою...» (Н. П. Огарев. Указ. соч., т. II, стр. 197—198).

генции 30—40-х годов, выведение ею из общеполитической идеи морального принципа, который становился основанием всей жизни, тонко подметил Н. А. Добролюбов. Купленный ценой страшной муки сомнения и отрицания этот принцип зачастую подавлял жизнь своим мертвым влиянием, зачисляя всякий поступок, не сообразный с принципом, в преступление. Однако, отмечает Добролюбов, среди поколения 30—40-х годов были люди, сумевшие довести философский принцип до реальной жизненности и поднявшиеся на борьбу с «обстоятельствами». Этими людьми, — пишет Добролюбов, — был Белинский и его единомышленники<sup>19</sup>. В числе ближайших единомышленников Белинского был Огарев.

Но прежде чем Огарев нашел свое место в борьбе, он в личном плане прошел через доведение до логического конца принятого им принципа, что нашло выражение прежде всего в его стремлении освободиться от груза наследственного состояния, «уйти в пролетарии»<sup>20</sup>. Эту мысль он развил в письмах к Герцену и Кетчеру, она стимулировала его стремление к практической реализации своих социалистических убеждений.

Как первый шаг в этом направлении у него возникает идея организовать социалистическую колонию из числа своих ближайших друзей — Герцена, Сазонова, Сатина, Кетчера, Астракова, поселиться в народе, слиться с ним и работать на его благо. И хотя этот план, который он развивал в ряде писем конца 1844 — начала 1845 г., не встретил поддержки у друзей, Огарев не отступил от своего намерения. Но жизнь внесла в его замысел существенные коррективы. Он возвращается в Россию, чтобы приложить свои силы для внедрения новой социальной организации в доступной для него сфере.

Совершенно очевидно, что путь социального эксперимента, на который Огарев вступил по приезде из-за границы в 1846 г., был вызван к жизни условиями русской действительности. Молчание народа, полное отсутствие возможностей для активной общественной, политической и даже литературной деятельности были источником тяжелых нравственных страданий для революционной интеллигенции. Они убили Белинского, они заставили навсегда покинуть родину Герцена, они толкнули Огарева на путь социального эксперимента и реформаторства.

\* \* \*

Само положение Огарева — крупного помещика, владельца более 4 тысяч ревизских душ крестьян — определило объект

<sup>19</sup> Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, т. IV. М.—Л., 1962, стр. 70—72.

<sup>20</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. II, стр. 370, 373.

его реформаторской деятельности. Своим первоочередным долгом он считал преобразование материального быта своих крепостных на началах справедливости и равенства. Собственно говоря, первый шаг в этом направлении Огарев совершил еще в 1838 г., когда, вступив во владение своим крупным рязанским оброчным имением Верхний Белоомут, освободил на основании закона «О вольных хлебопашцах» 1800 ревизских душ, предоставив за незначительный выкуп в полную собственность крестьян все земли, леса, луга и угодья; при этом Огарев специально старался обеспечить интересы бедняцкой части крестьян, оградить их от возможной кабалы кулацкой верхушки, образовавшейся в этом богатом промысловом селе.

Освобождение белоомутских крестьян было для Огарева не только моральным долгом. Он был глубоко заинтересован в его результатах, в том, как сложится материальная жизнь крестьян, их отношения в новых хозяйственных условиях. Здесь, полагал Огарев, должен практически решиться вопрос, который в это время был теоретически поставлен славянофилами — вопрос о русской общине.

Огарев не разделял позиции Герцена, склонявшегося к признанию неких самобытных начал, заложенных в устройстве русского крестьянского быта, как залога для ее будущего развития. «... У Александра,— писал Огарев по приезде в деревню, в ноябре 1846 г.,— есть вера, по которой он симпатизирует с Аксаковым; у меня ее нет, да и довольно прокатиться из Москвы в деревню, чтоб дорога вытрясла остатки ее»<sup>21</sup>. Знакомство с положением дел в Верхнем Белоомуте еще более укрепило его в этом мнении. Опыт убедил Огарева, что община не только не обеспечивает хозяйственных интересов своих членов, но напротив, сохраняя равенство рабства, представляет собой препятствие, искусственно задерживающее экономическое развитие деревни. Результаты своих размышлений о характере русской общины Огарев изложил в написанном в 1847 г. проекте создания народной политехнической школы — «Ecole polytechnique populaire».

К объяснению причины отрицательной роли общины в том виде, как она существует в русской действительности, Огарев подошел с позиций просветителя. Он видел ее в органической связи общины с крепостным правом, и эта связь, задерживая нравственное и культурное развитие крестьянина, способствует сохранению равенства нищеты и хозяйственной рутины. Анализируя взаимоотношения отдельного лица и общины в целом, Огарев пришел к выводу, что община не только не разрешает сколько-нибудь удовлетворительно вопрос о личности, не только не создает условий для ее развития, для гармо-

нического сочетания личных и общественных интересов, а напротив, подавляет понятия права и гражданства, что приводит к застою, к отсутствию всякой инициативы. Рабство, освященное религией, вот что под прикрытием общинного устройства сковывает крестьянина. Таким образом, критика Огарева была направлена не против общины вообще, а против общины, существующей в конкретно-исторических условиях русского социально-политического строя.

✓ Но находясь во власти своих утопических иллюзий, Огарев полагал, что последствия этих условий можно преодолеть просветительской и хозяйственно-реформаторской деятельностью. В проекте «Ecole polytechnique populaire» излагалось существо тех преобразований, которые наметил реализовать Огарев. Оно состояло в том, чтобы путем обучения и воспитания, с одной стороны, и одновременного коренного изменения хозяйственных отношений с крестьянами,— с другой, развить в них чувство личного достоинства, развязать их инициативу, поднять культурный уровень. Воспитанники политехнической школы должны были стать, по мысли Огарева, ферментом, который способствовал бы осуществлению хозяйственных реформ. Реформы, намеченные Огаревым, заключались в переводе крепостных крестьян на положение вольнонаемных работников при наделении их земельными участками и в превращении своих собственных хозяйств в фермы. Кроме того, той же цели — улучшению экономического положения крестьянских хозяйств и повышению культурного уровня крестьян — должно было служить создание различных производств по переработке сельскохозяйственного сырья — винокуренных, сахарных, суконых заводов. Эта программа осуществлялась Огаревым одновременно в нескольких имениях. Ее реализация продолжалась вплоть до эмиграции в 1856 г.

Каковы бы ни были субъективные намерения Огарева, объективно это было буржуазное реформаторство, попытка перевести крепостное хозяйство на американский путь развития, ограниченное при этом узкими пределами лично ему принадлежавших имений.

Все начинания Огарева встречали непреодолимые препятствия как во всей системе экономических отношений, в которых ему приходилось действовать, так и во враждебном противодействии местных властей и соседей помещиков. Но самым неожиданным для Огарева было упорное сопротивление всем его нововведениям со стороны самих крестьян, не желавших идти на сомнительные по своим результатам эксперименты владельца. Итогом было полное разорение, усугубленное некоторыми обстоятельствами личного порядка.

Таким образом совершилось освобождение от груза «наследственного состояния», к которому когда-то стремился

<sup>21</sup> Н. П. Огарев. Указ., соч., т. II, стр. 383.

Огарев. Однако этот морально-этический подход был для него давно пройденным этапом, и только иронически он мог поздравить себя с достигнутыми результатами. Насколько далеко Огарев ушел от своих прежних взглядов, свидетельствует одно из его замечаний в написанном в 1847 г. «Письме из провинции». В ответ на ханжескую статью С. Шевырева о благотворительности, где он разглагольствовал относительно того, «чтобы богатые помогали откровенно, а бедные принимали милостыню без противуречия и гордости, и тогда истинно будет на земле царство небесное»<sup>22</sup>. Огарев выдвигает принцип социалистического решения проблем современной политической экономики, при котором сама организация производства должна ликвидировать проблему бедности.

Социально-экспериментаторская деятельность Огарева, поставившая его лицом к лицу с жизнью крестьянина, с жизнью того самого народа, во имя которого должно произойти социальное переустройство русского общества, результаты этой деятельности заставили его заново продумать и учесть реальные условия народного быта. Выводы, к которым пришел Огарев, имели определяющее значение для дальнейшей эволюции его социалистических взглядов.

Прежде всего ценой собственного опыта Огарев убедился в полном бессилии индивидуального реформаторства.

Далее, в связи с крахом просветительских и реформаторских иллюзий перед ним заново встал вопрос о характере и путях социалистического переустройства России. Осмысливая отрицательный опыт европейских революций 1848 г., Огарев приходит к выводу, что социализм может развиваться только из оснований, заложенных в самой экономической жизни народа. И эти условия имеются в исторически сложившихся формах русского крестьянского землевладения — коллективной собственности и праве каждого на землю.

Что именно к такому решению пришел Огарев, свидетельствует прежде всего цикл его статей «Русские вопросы», над которыми он начал работать сразу же, как только покинул Россию, и о которых речь будет ниже. Но в свете этих статей, фактом, подтверждающим наш вывод, представляется заключительный акт реформаторской деятельности Огарева. Речь идет о сделанной им незадолго до эмиграции записи, касающейся дальнейшего устройства после пожара, который случился в июне 1855 г. на Тальской писчебумажной фабрике, освободившейся у него посессионных крестьян. Эта фабрика была единственным достоянием Огарева после того, как он лишился всех своих имений. Ее гибель окончательно освобождала его от необходимости дальнейшего хозяйствования и предreshала воп-

рос об эмиграции. Но своим долгом Огарев считал обеспечить и устроить жизнь приписанных к ней крестьян. Наилучшее решение вопроса, дело своей «личной очистки» он видел в их немедленном освобождении со всей землей, с передачей в их собственность безвозмездно всех оставшихся строений, машин, материалов и организацией на этой базе промысловой кооперации — учреждением на средства общинного капитала фабрик или мукомольных мельниц с дивидендом, выплачиваемым каждому<sup>23</sup>.

Реформаторская деятельность Огарева отнюдь не означала его принципиального признания преимущества или тем более исключительности данного способа для утверждения социалистического строя. Она была порождена стремлением действовать во что бы то ни стало, всеми возможными средствами в пользу социального прогресса, когда казалось, что других реальных путей в данных условиях нет.

\* \* \*

9 апреля 1856 г. Огарев приехал в Лондон к Герцену, навсегда оставив Россию. С этого времени и до последних лет жизни вся его деятельность, в каких бы формах она ни выражалась, была подчинена служению одной цели — борьбе за социалистическую Россию.

К идее «русского социализма», которую с конца 40-х годов стал развивать Герцен, Огарев шел от интересов русского крестьянства, опыта русского революционного движения, путем сопоставления теорий утопического социализма, выработанных западноевропейской мыслью, с условиями русской жизни, с практикой своих социальных экспериментов в русской деревне. Так же, как и у Герцена, она была порождена потерей веры после поражений европейских революций 1848 г. в социалистические возможности буржуазной цивилизации и утопическим стремлением подвести экономическое фактически существующее основание народного быта под отвлеченные теоретические построения социалистов.

Деятельность Огарева как теоретика «русского» или «крестьянского социализма» и как выдающегося деятеля русского революционного движения отмечена исключительной целеустремленностью и цельностью. В ней в полной мере сказалось как все позитивное, что дала эта теория для развития русской революции, так и все то реакционное и ошибочное, что в ней заключалось. Знаменательно, что первый конспиративный документ Огарева — написанная им в начале 1857 г. «Записка о

<sup>22</sup> Н. П. Огарев Указ соч., т. I, стр. 86.

<sup>23</sup> Е. Л. Рудницкая. Социальные эксперименты Н. П. Огарева «Вопросы истории», 1961, № 1.

тайном обществе», содержащая принципиальное решение задач русского общественного движения,— был опубликован им с некоторыми изменениями в самом конце его активной политической деятельности, в 1870 г. в качестве программы сплочения молодых революционных сил России, под заглавием «Сплотитесь дружно!».

Данное обстоятельство отнюдь не означает, что мировоззрение Огарева, его социалистические убеждения не претерпели за эти годы никаких изменений. Они развивались в неотрывной связи с ходом русской общественной жизни, нарастанием в стране революционной ситуации, уяснением и обобщением опыта борьбы. Менялась точка зрения Огарева на соотношение роли знания, сознательного, научного фактора в общественном развитии и объективных, не зависящих от воли людей закономерностей. В то же время либеральные колебания, которые имелись у Огарева в виде надежд на реформистские методы разрешения социально-политических проблем как по инициативе сверху, так и под общественным давлением, не раз проявлялись в продолжение его жизни. Все это неизбежно находило отражение в его идеях о путях и перспективах социалистического переустройства России. Именно разочарование в абстрактности, отвлеченности социалистических теорий приводит Огарева к убеждению, что дело русской свободы не может двигаться вперед без конкретной разработки тех социальных идеалов, которые, вытекая из условий жизни, должны стать целью борьбы. К обоснованию, разработке и развитию этих идеалов Огарев и приступил, как только получил к тому практическую возможность.

Изложение основ «русского социализма» Огарев начал буквально с первых же дней приезда в Лондон. Первая статья из серии «Русские вопросы» была помещена Герценом уже во второй, майской книжке «Полярной звезды» за 1856 г. Несомненно, что замысел Огаревым этого цикла, а, возможно, что и начало работы над ним относится еще ко времени его пребывания в России.

Исходная социальная сущность идей «русского социализма», с экономическим обоснованием которых выступил Огарев, была им сформулирована совершенно отчетливо и ясно в этой первой статье. Она заключалась в стремлении избавить Россию от буржуазного пути развития во имя спасения крестьянина от разорения, которое несет ему капитализм. «Да мимо нас идет чаша сия, это буржуазное развитие отдельной собственности, которое, несмотря на высокие основания гражданственности, несмотря на огромный успех промышленности, привело человеческое общество к нечеловеческому образу»<sup>24</sup>. Столь же

определенно его отрицательное отношение к перспективе появления в России пролетариата, который по словам Огарева, «до сих пор у нас неизвестен» и введение которого «не нужно»<sup>25</sup>. Но вопрос об избавлении России «от всех страданий западной цивилизации» вставал перед Огаревым не потому, что он угадывал в современной русской жизни какую-то реальную угрозу буржуазного развития. Напротив, он неоднократно подчеркивал полнейшее экономическое и политическое бессилие русского третьего сословия.

Буржуазное развитие, пролетаризация крестьянства,— все эти проблемы возникали лишь в связи с перспективой антикрепостнической борьбы, с решением вопроса о земле, обоснованием права крестьян на землю и их обеспечения земельной собственностью. На пути обезземеливания русского крестьянина, ограждая его от этой опасности, лежит община, которая утверждает извечное право крестьянина на землю: «Русский народ не может отделить себя от земли, землю от общины. Община убеждена, что известное количество земли принадлежит ей»<sup>26</sup>. Отсюда теоретическое обоснование необходимости освобождения крестьян с землей. Иначе, считал Огарев и его убеждение разделялось Герценом, а позднее всем народничеством, в России разовьется капитализм, ибо крестьяне, лишенные земли, превратятся в пролетариев, а помещики переродятся в «западное мещанство»<sup>27</sup>. Между тем сама община содержит в себе начало, противоположное буржуазному принципу собственности,— коллективное владение землей, которое и расценивается как основание для социалистического развития России. Статьей «Крестьянская община» из цикла «Русских вопросов», опубликованной в 8 и 9-ом листах «Колокола» от 1 и 15 февраля 1858 г., Огарев начинает систематическое развитие идей «русского» или «крестьянского социализма», которое он продолжал на страницах «Колокола» и ряда других изданий Вольной русской типографии на протяжении всей своей публицистической деятельности. Еще в «Письме к издателю», т. е. к Герцену, помещенном в 1-ом листе «Колокола» и представлявшем как бы его программное заявление, Огарев отрицательно оценивая ту полемику, которая развернулась в русской журналистике между славянофилами и представителем государственной школы в историографии (Б. Н. Чичериним) в отношении исторической оценки русской общины, заявил, что в настоящий момент следует вести разговор лишь «о современном значении и положении сельской общины». С этого вопроса, т. е. характеристики конкретных черт экономического и

<sup>25</sup> Н. П. Огарев Указ. соч., т. I, стр. 107.

<sup>26</sup> Там же, стр. 106.

<sup>27</sup> Там же, т. II, стр. 108.

<sup>24</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. I, стр. 167.

общественного устройства общины Огарев и начинает свое изложение в статье «Крестьянская община» цикла «Русские вопросы».

Отказываясь видеть в общине, подобно славянофилам, идеал, «коренное, исключительно славянское устройство общества», от которого не только не следует отклоняться, а необходимо сохранить и восстановить «во всей его первобытной чистоте»<sup>28</sup>, Огарев подходит к оценке общины, только как к факту народной жизни, который включает в себе элементы социалистического развития России. Если бы Огарев и в дальнейшем оставался на этой позиции, мы должны были бы засвидетельствовать совпадение исходных позиций в оценке русской общины между ним и Чернышевским. Однако уже в этой статье, развивая мысль о преимуществе общинного землевладения, как такой формы земельной собственности, при которой каждый гарантирован в своих правах мелкого земельного собственника, Огарев начинает экскурс в историю возникновения частной собственности на землю в западноевропейских странах. Это нужно ему для того, чтобы показать, что поземельная община, существовавшая в прошлом у всех европейских народов, исчезла не в результате социального прогресса, как изжившая себя форма собственности, а была насильственно уничтожена завоеваниями, которые положили начало феодализму в Европе.

В итоге, резюмирует Огарев, переход земли в частное владение независимо от того, сосредоточена ли она в руках крупных землевладельцев (Англия) или раздроблена между мельчайшими собственниками (Франция), имеет один результат — пролетаризацию крестьянства.

В статье «Русская община» Огарев, подчеркнув специфичность, исключительность, по существу, случайный характер того обстоятельство — факта завоевания, — которое привело к уничтожению общины на Западе, ограничивается только констатацией наличия общины в России и тех преимуществ, которые она включает в себе для экономического обеспечения и ограждения прав личности каждого ее члена. Но уже в последующих статьях, посвященных общине, сама логика рассуждений приводит его к отступлению от первоначальной позиции, заключающейся в нежелании вдаваться в историю русской поземельной общины. Историческим условиям, при которых произошла ликвидация общинной собственности в западноевропейских странах, он начинает противопоставлять русский исторический процесс, отличающийся отсутствием факта завоевания и насильственного уничтожения общины.

Русское государство, согласно Огареву, расширялось пу-

тем колонизации, она происходила постепенно с Запада на Восток; новые земли заселялись артелью — от этого у русского народа и явилось общинное, мирское землевладение<sup>29</sup>. Как мы видим, Огарев, совершенно обходя вопрос об исторических корнях русской общины, подчеркивает только позднейший факт распространения этой формы земельной собственности, чтобы обосновать исконное право народа на землю. Государство наложило руку на народную собственность, прикрепив крестьян к земле, и отдав их под власть помещиков и чиновников. Но оно, по мнению Огарева, не затронуло самих оснований общинного устройства, а только подавило их. Поэтому в то время, как на Западе осуществление социалистического идеала требует коренного общественного переустройства, в России задача сводится к тому, чтобы освободить общину от социального и политического гнета, от «помещичьего права и чиновничества» и дать свободно развиваться заложенным в ней социалистическим элементам.

\* \* \*

Идея специфики русского исторического процесса, его противопоставления западному пути развития становится для Огарева исходной для обоснования положения об особо благоприятных для России возможностях избежать капитализма и пойти по социалистическому пути. В непосредственной связи с этой идеей, как ее утверждение в плане общего развития социалистической теории, находится критика Огаревым учений утопического социализма. Основные положения этой критики содержатся в ряде работ Огарева 50—60-х годов, например, в «Письме к автору «Возражения на статью «Колокола»», опубликованном в 38 листе «Колокола» от 15 марта 1859 г. Но наиболее систематически и полно она дана в цикле статей, опубликованных в «Колоколе» в 1866—1867 гг. под названием «Частные письма об общем вопросе».

Критика Огарева исходит из понимания социализма как вопроса прежде всего экономической организации общества. Русская история сложилась так, что в русском народном быту сохранились экономические основы, которые составляют необходимый исходный пункт для социалистического пути развития. В Европе же для социализма нет почвы, так как форма землевладения там наследственная. «Социализм, — писал Огарев в 1869 г., имея в виду теории социалистов-утопистов, — ставит свой факт на воздухе, без почвы»<sup>30</sup>. Эта излюбленная мысль Огарева в высшей степени характерна для него, как теоретика «русского социализма», подменявшего научное понимание эко-

<sup>28</sup> Там же, стр. 137.

<sup>29</sup> Н. П. Огарев Указ соч., т. I, стр. 134.

<sup>30</sup> Там же, стр. 318.



номической основы социализма иллюзией о социалистической сущности русской поземельной общины, сводившего весь комплекс проблем развития производительных сил и производственных отношений исключительно к вопросу о форме земельной собственности. Что же касается ликвидации частных капиталов и превращения их в общественную собственность, то эта перспектива представлялась Огареву одним «из тех дальних вопросов человечества, постановка которых теперь положительно невозможна»<sup>31</sup>.

Поскольку в понимании Огарева экономическая основа социализма, условие социалистической организации общества заключается исключительно в общинном, ассоциативном владении землей, он отказывает западному утопическому социализму в какой-либо связи с реальной основой жизни общества. Это, по утверждению Огарева, чисто умозрительные построения, исходящие из порочной идеи о самостоятельном значении труда, который может создавать ценности, не владея материалом, т. е. землей. В этой связи Огарев различает две стадии в развитии социализма в Европе: 1) теоретический период, «построение нового мира в книге», 2) переход теоретической мысли в практическую, составление «соединений труда (помимо владения) в виде рабочих ассоциаций»<sup>32</sup>.

Возникновение социалистической мысли Огарев связывает с отрицательным результатом буржуазных революций, и особенно революции 1789 г., в разрешении ими социальной проблемы, «когда безуспешность исхода в раздел уже оказалась на практике»<sup>33</sup>. Как видим, Огарев правильно нащупывает исторические корни возникновения социализма в социальных противоречиях буржуазного общества, но ограничивает эти противоречия только областью аграрных отношений, характер которых исключал, на его взгляд, возможность социалистического развития Западной Европы. Теоретической основой французского утопического социализма Огарев справедливо считал французскую материалистическую философию XVIII в. Пронизывающий ее дух отрицания был доведен до логического завершения Бабефом, которого Огарев ставит во главе французского социализма как предвосхитившего в зачаточной форме все социалистические идеи. Именно в социализме Бабефа Огарев видел наиболее яркое воплощение теоретического «литературного» социализма, не имевшего народных корней не только «в исторической дореволюционной, но и в самой революционной Франции»<sup>34</sup>.

Как теоретический социализм не имел оснований в реальной общественной жизни и питался только отрицанием существующего, так и практические попытки социализмом являются миражем, поскольку «труду, как бы он ни соединился между собою, отрешенно от владения, достигнуть своей цели, т. е. соединения с владением и восстановления естественной ценности (труда и вещи) — составляет задачу или вовсе неразрешимую, или до такой степени длинную, что она равняется бесконечности»<sup>35</sup>. Критика Огаревым практических попыток утопического социализма была бы справедлива, если бы ее острие было направлено против надежды достигнуть социализма помимо экспроприации капитала и завоевания политической власти, лишь путем организации рабочих ассоциаций. Но Огарев выступал против утопического европейского социализма как теоретик другой формы утопического социализма — «русского социализма» и поэтому главным объектом его критики были те стороны социалистических учений Запада, которые связывали социализм с инициативой и будущей общественной организацией рабочего класса. Поэтому, считая плодотворной в системе Бабефа идею «общинной собственности, соединение труда, распределение его сообразно силам и наклонностям, равное распределение предметов потребления, общее воспитание, перемены юридических оснований, упрощения законодательства, разделение страны по однородности местностей и удобствам почвы (федеративное или областное)»<sup>36</sup>, Огарев характеризует ее в целом как беспочвенную, чуждую массам. Этой беспочвенностью порождено также, по мысли Огарева, отступление Бабефа от идеи федеративного устройства к идее преобладания городов, к правительственной централизации, которая «растет не из потребностей целой народной массы, а из стремлений городского пролетариата...»<sup>37</sup>, а также строжайшая регламентация и деспотический характер «обязательного равенства», искажающие самую сущность социализма.

Огарев страшился, что идея выдвижения пролетариата как решающей силы социалистического переустройства может встретить сочувствие среди русских социалистов. С его точки зрения, при ориентировке на пролетариат «можно только достигнуть до ассоциации, не имеющей вещественной опоры...»<sup>38</sup>. В России пролетариат и образованное меньшинство должны примкнуть, утверждает Огарев, к «историческому основанию сельского строя», к общине, как единственно реальному основанию социализма, где естественно соединено право владения с трудом: «...точкой отправления может быть только зем-

<sup>31</sup> Там же, стр. 744.

<sup>32</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. I, стр. 693.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> Там же, стр. 701.

<sup>35</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. I, стр. 694.

<sup>36</sup> Там же, стр. 708.

<sup>37</sup> Там же, стр. 714.

<sup>38</sup> Там же, стр. 715.

ледельческая артель, потому что без ликвидации частной поземельной собственности остальная ликвидация невозможна»<sup>39</sup>.

Таким образом, Огарев начинает и завершает свою критику теорий утопического социализма как идеолог социальных чаяний русского крестьянства, страшась как угрозы капиталистического развития, так и любого решения социального вопроса помимо сохранения его права на землю. Но русский народ, если отбросить мистическую идею права на землю, о которой столько писали Герцен и Огарев, усматривая в этой идее социалистические задатки, заложенные в русском крестьянине, юридически землей не владел. А потому борьба за землю, борьба с крепостничеством была реальной, первоочередной практической задачей. Поэтому, если «русский социализм» в целом (что особенно отчетливо видно при рассмотрении социалистических взглядов Огарева) с самого начала заключал в себе две стороны: протест мелкого собственника против капитализма и идеологию крестьянской демократии, идеализацию борьбы с крепостничеством, как борьбы за социализм, то именно эта вторая сторона народнической утопии в силу объективных исторических условий стала для Огарева основным объектом теоретической разработки. Она определила и содержание его взглядов на социальную революцию, и весь характер его революционной практической деятельности.

\* \* \*

Как же решалась Огаревым проблема о путях и перспективах развития русской поземельной общины? Оговоримся сразу, что характеристика общины, заложенных в ней возможностей и тенденций оставалась у Огарева неизменной и в последующие периоды. Исходя из основного экономического принципа общины — «права каждого на пользование землей, права, естественно исключаящего личную наследственность земельной собственности»<sup>40</sup>, и рассматривает Огарев перспективы «будущего русского развития». Он подчеркивает, что община в том виде, в каком она теперь существует, не представляет отнюдь идеала общинного устройства, а есть лишь «зародыш..., зерно этого устройства, зерно, которое способно к развитию, если ему не будет мешать внешнее насилие»<sup>41</sup>. Внешнее насилие — помещичья власть и бюрократия подавили развитие общины, исказили заложенные в ней возможности. Они, а не принцип общинного устройства повинны в подавлении личности в общине, в

невежестве народа, в примитивности земледелия, в технической отсталости, в отсутствии хозяйственной и промышленной инициативы.

Вопрос о соотношении интересов личности и общественных интересов, о котором Огарев в 40-е годы писал как об основной проблеме социализма, продолжает и теперь оставаться в центре его внимания. К нему он возвращается неоднократно. Признавая, что в общине мир иногда теснит отдельную личность, право независимости которой остается неопределенным также, как не определена граница власти общины над ее членами, Огарев расценивает это только как следствие младенческого состояния общины. Личность и община просто не имели возможности договориться о своих взаимных правах. «Личность подавлена помимо общины помещиком, администрацией, бессудием; она не заявляет своих прав перед общиной, потому что это массивное, общинное устройство насколько-нибудь спасает ее от высших насильев. Дайте общине свободно развиваться, она договорится до определения отношений лица к общине...»<sup>42</sup>.

В дальнейшем за общиной, предполагал Огарев, останется в основном только решение дел общественных. Человек же в общине идет к тому, чтобы «устроить свою независимость, сохраняя чувство общественного долга»<sup>43</sup>. Считая бесплодным занятием заранее определять и предрешать пределы и формы взаимоотношений личности и общества, Огарев усматривал в праве освобожденной общины на выселок право каждого покинуть ее, сохраняя при этом за собой свой земельный надел. Освобожденная община сможет, с согласия мира, продать свою землю и переселиться на другую, разрешить выселки, установить для всех членов права личного выхода и переселения, решать вопросы своего экономического и гражданского устройства, что создаст возможность обеспечить для членов общины самую широкую свободу. В освобожденной общине неизбежно должны будут возникнуть самые разнообразные вопросы, в том числе связанные с проблемой промышленного развития, строительства железных дорог. По мнению Огарева, общинное устройство отнюдь не является препятствием для развития промышленного производства, которое в свою очередь не представляет опасности для сохранения общинного устройства. Более того, указывая, что в крепостном праве заключается единственная причина катастрофической отсталости русского сельскохозяйственного производства, Огарев считал, что общинное устройство создает реальные возможности для интенсификации и механизации сельскохозяйственных работ. Он не сомневался, что от общинного

<sup>39</sup> Там же, стр. 737.

<sup>40</sup> Там же, стр. 338.

<sup>41</sup> Там же, стр. 162.

<sup>42</sup> Н. П. Огарев Указ соч, т. I, стр. 162.

<sup>43</sup> Там же, стр. 154.

землевладения, от переделов земли по тяглам, крестьяне, поняв выгоду общего труда, перейдут на мирскую пашню и дележ урожая по тяглам.

Однако вначале Огарев не рассматривал общинное землевладение как единственную форму землевладения, которая будет существовать после освобождения общины. Он учитывал наличие в России областей, где не существует общинного устройства. Какую форму землевладения — частную или общинную — они выберут, должно быть их свободным решением. «Я убежден, — пишет Огарев, — что народ решит в пользу общинного землевладения...»<sup>44</sup>.

Наряду с собственником-общинником, Огарев предусматривал крупного земельного владельца, «достаточного собственника», который противопоставляется «мелкому собственнику или фермеру, изнывающему под бременем нужды в Западной Европе»<sup>45</sup>. (В России существование фермерства исключено, коль скоро мелкие собственники останутся членами собственника — общины). Это допущение существования наряду с освобожденной общиной, развивающейся по пути социализма, крупных земельных собственников возникло в тот период, когда Огарев полагал, что Александр II, поняв обреченность существующего в России строя, сам пойдет по пути социальных реформ. «Колокол» в это время признавал возможность выкупной операции, при реализации которой за помещиком сохранялись громадные земельные владения.

По мере подготовки реформы, когда для Огарева все очевиднее становилась ее антинародная сущность, он выдвигает идею освобождения крестьян с землей помимо правительства, путем распространения общественного кредита. В связи с этим он разрабатывает план создания сельских банков. Не останавливаясь здесь на разборе этого специального вопроса, необходимо указать, что с идеей организации местных сельских банков, в которые, по первоначальному замыслу Огарева, должны были входить наряду с крестьянами и помещики, а также должен был привлекаться частный капитал и другого вида, например, купеческий, он связывал пути для перехода от общинного землевладения к общинному труду: местные банки снабжали бы общины полевыми машинами и орудиями, что привело бы к сплошной обработке участков. Эта возможность стимулировала бы также образование поземельных общин в тех областях, где землевладение только личное. Сельские банки уже как банки народные, без участия помещиков, занимали и в дальнейшем центральное место в проектах Огарева о будущем хозяйственном устройстве. Он видел в них рычаг экономического развития общины.

Огарев был уверен в огромных потенциальных возможностях, заложенных в общине, как в отношении ее хозяйственного развития — культуры земледелия, технического прогресса (только в руках народа, считал Огарев, машина делается источником народного богатства, а не порабощения, как это имеет место при буржуазном строе), так и в отношении перехода к высшим формам ассоциации. Он указывал на многообразие и гибкость средств, какими будет располагать община, освобожденная от помещичьего и чиновничьего гнета, в отношении удовлетворения интересов и прав каждого своего члена. Кроме возможностей чисто экономических, эти интересы обеспечивались общественной организацией общины — местным самоуправлением и судом. Эта сторона вопроса — уже в связи с разработкой принципов государственного устройства в целом, каким оно мыслилось Огареву после победы революции в России, особенно выдвигается им в годы наивысшего обострения революционной ситуации.

\* \* \*

«Цель общества — положить начало социальному миру на основании общинного землевладения. Следовательно, главный принцип — самоуправление общины»<sup>46</sup>, — такими словами начинается написанный Огаревым в первой половине 1859 г. конспиративный документ, формулирующий методы и задачи, стоящие перед тайным обществом. Отмена крепостного права, которая, как убедился Огарев, не может быть сколько-нибудь удовлетворительно с точки зрения интересов народа разрешена правительством Александра II, должна была стать задачей № 1 социально-политической революции в России, руководимой тайным обществом.

Общинное землевладение и самоуправление кладутся в основание общественного устройства новой бессословной России. При этом принцип самоуправления пронизывает все государственное устройство, объединяя общины в волости, волости в области, области в федерацию, возглавляемую Земской думой. Земская дума будет учреждена Земским собором, который в свою очередь должен возникнуть в итоге победы, в результате народного восстания. Представительное правление, федерация областей, местное выборное самоуправление и суд придут на место уничтоженной государственной системы, чиновничеству и царскому суду.

После победы социалистической революции в России не будет уже двух видов собственников: собственник — община и собственник — владелец. Вся Россия станет конфедерацией зем-

<sup>44</sup> Там же, стр. 320.

<sup>45</sup> Там же, стр. 274.

<sup>46</sup> Н. П. Огарев. Указ. соч., т. II, стр. 54.

делельческих общин, на основании которых возникнут общины ремесленные (промышленные артели) и на основании обеих — торговые артели. Вся русская земля будет принадлежать тем, кто на ней работает, т. е. мужикам.

С агитационной заостренностью эти идеи были изложены в листовке «Будущность». «А людей, которые живут на чужой труд, нам не нужно; их надо долой. А не хотят итти вон — пусть сами идут в крестьянскую общину и возделывают такой же поземельный участок, как и все крестьяне»<sup>47</sup>. Так радикально решался вопрос о помещичьем землевладении. То же и в отношении фабрикантов и заводчиков: они становятся рядовыми членами фабричной артели или идут вон. Таковы контуры будущей социалистической России, где экономические отношения, подчеркивал Огарев, будут находиться в полном соответствии с политической организацией общества, образуя между собой как бы некое нераздельное, органическое единство.

Чрезвычайно подчеркивая неотделимость стоящих перед Россией экономических и политических преобразований, указывая на бессилие любой политической революции их разрешить, Огарев определял характер этой единой исторической задачи, словом «реорганизация». В термин реорганизация, Огарев вкладывал более широкий смысл, чем революция, которую он понимал только как изменение политических форм. Он не ставил знака равенства между реорганизацией, восстанием и бунтом, допуская, что реорганизация может совершиться и не кровавыми средствами, мирно, путем созыва Земского собора и реорганизации поземельных имущественных, судебных и правительственных отношений»<sup>48</sup>. Однако отсутствие у Огарева понимания классовой природы государственной власти, приводило его подчас к метафизическому отрыву социальных проблем, их практического решения от конкретных политических условий жизни. В результате либеральные иллюзии, которые он пережил в первые годы царствования Александра II имели рецидив, хотя в несколько особой форме, в период реакции, наступившей после спада революционной ситуации и подавления польского восстания 1863 г. Так в 1866 г. Огарев, выступил со статьей «По поводу продажи имений в Западном крае». Он счел возможным поставить перед правительством вопрос о передаче русским крестьянам земель, конфискованных у польских помещиков, участников восстания 1863 г., считая, что этим актом будет подорван принцип частного землевладения и создадутся благоприятные возможности для распространения и развития общинного землевладения. В этой же метафизической тенденции коренятся и его идеи о всемогущем народном кредите, который может якобы

расчистить пути для решения социального вопроса и даже радикально продвинуть его в условиях самодержавного государства. При этом нельзя не видеть влияния на Огарева прудоновских идей о даровом кредите и создании экономического правительства. Но уход от реальных политических условий в «алгебру политической экономии», как характеризовал эти отступления Огарева Герцен, был для него явлением временным и отнюдь не исключающим иного решения социальных проблем. Об этом свидетельствует не только практическое участие Огарева в революционном движении 60-х годов, но и его последующая теоретическая работа над вопросами русской революции.

Итогом теоретических исканий Огарева в решении вопроса о движущих силах исторического процесса, закономерности социализма, его конкретно-исторических формах и путях его реализации были мысли, изложенные им в трех «Ответах на статью Герцена «Между старичками» (первая редакция писем «К старому товарищу»)» и в ответе на брошюру Бакунина «Постановка революционного вопроса» (май—июнь 1869 г.) ««Ответы»» Огарева были вызваны той острой дискуссией, которая возникла между Герценом и Бакуниным по вопросу о понимании исторической сущности и характера революций. Разделяя с Герценом резко отрицательное отношение к трактовке Бакуниным революции, как разнообразных форм «разбоя», Огарев занял в полемике совершенно самостоятельную позицию<sup>49</sup>.

В ««Ответы»» прежде всего нашли отражение те сдвиги, которые произошли у Огарева в понимании закономерностей исторического процесса и соотношения сознательного и стихийного в общественном развитии. Исходя из признания внутренней необходимости и закономерности исторического процесса, Огарев разделял вместе с Герценом страстное, мучительное стремление проникнуть в эту закономерность, познать ее, научно объяснить общественное развитие. Не находя еще, как и Герцен, такой научной теории, Огарев не видел в этом обстоятельстве препятствия для сознательного, революционного переустройства общества.

Если в 1857 г. он полагал, что «популяризация науки», донесение идей необходимости коренного социального переустройства России до их осознания обществом может стать движущей силой общественной реформы, то теперь Огарев такую силу видит в революции и только в революции, этом исторически обусловленном выражении того предела, когда народное терпение приходит в столкновение с существующими общественными

<sup>49</sup> Критические замечания Огарева, его понимание проблем во многих случаях были учтены Герценом, что нашло отражение в окончательной редакции писем «К старому товарищу». В рамках настоящей статьи мы не станем входить в анализ связей одного из значительнейших документов идейного развития Герцена с ««Ответами»» Огарева.

<sup>47</sup> Там же, стр. 236.

<sup>48</sup> Н. П. Огарев Указ. соч., т. I, стр. 646.

устоями. История человечества шла через ряд революций, конечная цель которых — утверждение такого общественного порядка, «тех отношений, где движение развития могло бы совершаться так, чтобы сознание и вследствие оно изменение в отношениях могли бы идти как координаты»<sup>50</sup>. И так, человечество через ряд неудачных революций, неудачных в том смысле, что ни одна из них не привела к цели, идет к социализму, такому исходному состоянию общественного устройства, при котором дальнейшее его развитие будет совершаться в соответствии с подлинными законами развития, в соответствии с идеями.

Отвергая бакунинское прославление стихийных народных движений, «разбоя», как той единственной силы, которая осуществляет социальный прогресс, Огарев считал столь же неправильным видеть в истории результат сознательной реализации задач, поставленных предшествующим общественным развитием, идущим путем «инкубации», постепенности, путем реформ. Элемент сознательности необходим в движении, но он не присущ самим массам, которые еще не дойдя до понимания нового общественного строя, но приобретая силу в борьбе, путем насилия ставят «обстоятельства народного склада в новые отношения и уже de facto создают из них новое общественное устройство»<sup>51</sup>.

Указание на значение политического фактора было сильной стороной в подходе Огарева к проблеме социального переустройства. Однако критикуя Герцена за недооценку им политической стороны вопроса, за отступления к либерализму в тактических вопросах, сам Огарев обнаруживает в «〈Ответях〉» все усиливающуюся у него в этот период недооценку экономических предпосылок революции. Огарев делает упор на революцию, как основной импульс исторического прогресса. В отличие от Герцена, он отказывается видеть историческую закономерность капитализма, расценивая его только как «экономический промах», и оставаясь, таким образом, в критике капитализма, целиком на мелкобуржуазных позициях.

В то же время определенным свидетельством преодоления ограниченности «русского социализма», свидетельством продвижения Огарева в понимании общеисторической закономерности социализма (который он ранее связывал исключительно с формой земельной собственности), было признание наличия на Западе корней социализма в «городских кооперациях». Но связь социализма с рабочим движением оставалась для Огарева непонятой. Он сознательно отстранялся от обсуждения перспектив социалистической революции на Западе, признаваясь, что яснее

понимает переворот русский, чем европейский, а потому и остается исключительно преданным русскому вопросу<sup>52</sup>.

Возможность изолированной постановки «русского вопроса» теоретически обосновывалась Огаревым тем, что «общий переворот в роде человеческом немыслим», он может быть только местным, порожденным данными социально-политическими отношениями, и, «в случае удачи, социализм, созданный на новых реальных отношениях, на новой реальной почве, может быть только своеобразным, а нисколько не единым»<sup>53</sup>. Новые экономические отношения не привносятся «предвзятой социологией», которая не может построить «никаких местных общин и никакой социальной общественности»<sup>54</sup>, но существуют (только подавленные) в самом основании народной жизни. Чем скорее произойдет революция в России, «тем лучше, тем прочнее этот общинный элемент может войти в права и приступить к своему развитию»<sup>55</sup>.

Так неизменная вера в социалистические начала, заложенные в русской поземельной общине, питала революционный оптимизм Огарева. И если Герцен к концу жизни обращает свои взоры к Интернационалу, руководимому Марксом, что означало поворот от утопического «крестьянского социализма» к социализму научному, то Огарев до конца остался идеологом «русского социализма». То обоснование исторической необходимости русской социальной революции, которое он дал в своих «〈Ответях〉», представляет по существу исходную теоретическую платформу, на которой основано все последующее русское революционное народничество.

Социалистическая идеализация русской общины была утопией, так же как исторически неоправданным было рассматривать крестьянство как силу, способную на самостоятельное революционное действие. Но «русский социализм» был последовательным выражением стихийного стремления к равенству миллионов русского крестьянства, крестьянского требования равного землепользования, полного уничтожения помещичьего землевладения. Под этой утопической оболочкой выступал революционный демократизм Огарева, порожденный конкретными задачами русского развития, задачами антикрепостнической борьбы крестьянства за землю и свободу.

Поэтому социология Огарева при всей своей утопичности выражала реальные жизненные процессы, потенциальные возможности, заложенные в крестьянстве, как угнетенном классе феодального общества. Реализацию социалистического идеала

<sup>52</sup> Н. П. Огарев. Указ соч., т. II, стр. 220.

<sup>53</sup> Там же, стр. 218—219.

<sup>54</sup> Там же, стр. 219.

<sup>55</sup> Там же, стр. 221.

<sup>50</sup> Н. П. Огарев. Указ соч., т. II, стр. 217.

<sup>51</sup> Там же.

он связывал исключительно с движением самих народных масс, видя в революциях проявление объективных закономерностей исторического процесса. Меньшинство образованного класса соединяется с крестьянством, вносит в движение элемент сознательности и организации. Наряду с Чернышевским и Герценом Огарев был основоположником русского революционного народничества.

Социалистические воззрения Огарева, будучи одной из разновидностей утопического социализма, были порождены в конечном счете задачами антикрепостнической борьбы, развертывавшейся в отсталой крестьянской стране в то время, когда буржуазный строй уже утвердился в большинстве передовых стран мира и отнюдь не мог являться знаменем борьбы трудящихся масс.

Тематически связанные ссылки:

Революционеры и либералы России / Сб. науч.статей к 100-летию Б.П.Козьмина

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80110457.htm>

И.Пантин, Е.Плимак, В.Хорос. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p140487680.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: перв. половина XIX в.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p48143253.htm>

Великая французская революция и русская литература / Сб. статей

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p68490613.htm>

М.Покровский. Очерки русского революционного движения XIX - нач. XX вв.

Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б.) зимою 1923-24 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72402016.htm>